

П. Л. Левшин, В. М. Шадрин

СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

P. L. Levshin, V. M. Shadrin

THE FORMATION MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE BORDER SERVICE OF THE ORENBURG COSSACK ARMY IN THE FIRST HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY

В статье раскрывается процесс становления механизма правового регулирования пограничной службы казаков Оренбургского войска. Конкретизируя ключевое понятие, авторы понимают его как совокупность разнообразных правовых средств (установлений, технологий) воздействия на общественные отношения в связи с обеспечением охраны Оренбургской пограничной линии, применительно к рассматриваемому периоду времени. Времени становления основ российской национальной правовой системы, в том числе и механизма правового регулирования.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовые средства, Оренбургское казачье войско, пограничная служба.

The article reveals the process of formation of the mechanism of legal regulation of the border service of the Orenburg Cossacks troops. Clarifying the key concept, the authors understand it as the combination of various legal tools (laws, technology) impact on social relations in connection with the protection of the Orenburg borderline with respect to the period of time. Time of formation of the foundations of the Russian national legal system, including the mechanism of legal regulation.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal means, Orenburg Cossack army, the border guard service.

В теории права механизмом правового регулирования называют взятую в единстве систему юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [17, с. 269].

Рассматриваемая категория емка и многообразна, возможны разные подходы к ее трактовке, выделяют и разные структурные элементы в ее составе.

Применительно к рассматриваемому нами предмету это понятие можно конкретизировать и определить, как совокупность правовых средств (инструментов, деяний) воздействия на общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением надлежащей охраны Оренбургской пограничной линии, посредством которых происходит упорядочение и защита возникающих правоотношений, установление прав и

обязанностей участников этой сферы деятельности.

Данное понятие позволяет собрать и систематизировать юридические средства правового воздействия на общественные отношения, определить роль каждого средства в правовой жизни общества.

Правовые средства, таким образом, составляют основу механизма правового регулирования. Однако в теории права нет однозначного подхода к пониманию и определению этого понятия, в юриспруденции оно употребляется в самых разных значениях: его используют и в отношении к праву в целом, и в отношении к многообразным режимам правового регулирования.

Рядом с ним, отмечает А.В. Малько, можно поставить термины «правовые явления», «правовые феномены», «пра-

вовые факторы», «правовые условия» и т. п., которые в самом широком смысле взаимозаменяемы [6]. В качестве правовых средств выступают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. п.

Правовые средства с самого начала рассчитаны на приведение их в действие теми или иными субъектами. Потенциальные возможности правовых средств могут быть использованы или не использованы, использованы полно или неполно, эффективно или неэффективно.

А. В. Малько перечисляет и выделяет основные признаки правовых средств, классифицирует правовые средства [6].

Правовые средства являются весьма важной юридической категорией, обозначающей существенную правовую реальность: определенные инструменты и деяния субъектов по их применению в целях достижения конкретного результата.

Таким образом, мы считаем, что без понятия «правовые средства» невозможно полноценно исследовать деятельность субъектов, осуществлявших охрану и защиту Оренбургской пограничной линии, ибо правовые средства позволяют увидеть место и роль различных юридических явлений и, прежде всего нормативной основы в реализации интересов субъектов осуществлявших исследуемую деятельность. Нормативная основа понимается в широком смысле и включает не только нормы права, но и индивидуальные предписания, договоры, инструкции, правовые документы и иные инструменты правового регулирования. В нормативной основе наибольшее значение придается таким юридическим средствам, как позитивные обязывания, дозволения и запреты.

Механизм правового регулирования сам является элементом более сложной системы — правовой, и свое регулятивное воздействие осуществляет опираясь на принципиальные установки и тесное взаимодействие с элементами этой системы.

Основы российской национальной правовой системы, по нашему мнению, сформировались в имперский период, что в целом соответствует времени возникновения Оренбургского края.

В первой половине XVIII столетия стремление по укреплению юго-восточных рубежей Российского государства потребовало создание на Южном Урале

боеспособного нерегулярного войска. С учетом географической и этнополитической специфики южно-уральского региона, правительство решало свои задачи путем привлечения к службе многонационального контингента, в основном из местного населения способного эффективно охранять границу. Именной указ от 20 августа 1739 г., данный генерал-лейтенанту князю Урусову являлся одним из основных законодательных актов, который предписывал не только где, как и кто должен строить крепости, но и кем их заселять, как вести здесь кордонную и гарнизонную службы. «Селить, — говорилось в указе, — при тех крепостях ландмилицкие Закамские полки и прочих старых служб, из которых те полки набраны и казаков не меньше двух рот на одном месте, дабы всякий один полк не распространялся далее ста верст, а что ближе, то за наилучшее признается, дабы во время неприятельских нападений вскоре собраться смогли... между поселениями наделать малые редуты для содержания караулов и убежища от неприятеля проезжим людям, и при тех редутах иметь высокие караульни на столбах, дабы с одной до другой часовым видеть и неприятеля усмотреть было можно...»¹.

С учреждением губернии в 1744 г., общее руководство всеми размещавшимися в крае войсками перешло в ведение местного губернатора. Появление новых властных структур укрепило и усилило самодержавную власть в обширном Оренбургском крае. Линии Оренбургской кордонной системы были разделены на восемь дистанций, включавших в себя определенное количество крепостей с их редутами и пикетами. Командирами (комиссарами) дистанций были назначены офицеры регулярной армии «коим сверх пограничных и воинских дел и гражданские, так как провинциальным воеводам, исправлять велено» [13. с. 34]. В подчинение комиссаров вошли и нерегулярные команды, в первую очередь казачьи отряды. Цель деления линии на дистанции заключалась в том, чтобы упорядочить гарнизонную и сторожевую службу, централизовать управление военной силой, дислоцированной в крепостях и на форпостах. Однако казачьи команды оказались разбросанными по всей пограничной линии и практически не были связаны между собой. В этих условиях губернатор И. И. Неплюев считал необходимым создание специального органа по управлению нерегулярными войсками. В своих

¹ Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 10/ — № 7886.

донесениях в столицу он доказывал, что в несении сторожевой службы превосходство, по сравнению с драгунскими ротами, принадлежит казачьим отрядам. В конечном итоге, серия правительственных актов рассматриваемого периода, способствовавших обустройству пограничной линии, завершилась решением Военной коллегии об организации Оренбургского иррегулярного войска и введении института Войскового атамана [7, с. 34—40]. Образование Оренбургского нерегулярного войска внесло существенные изменения в порядок и характер казачьей службы, службы войск на всех пограничных линиях Оренбургской укрепленной системы [7, с. 34—40]. Предполагалось, что главной задачей оренбургских казаков будет защита российских рубежей от кочевников киргиз-кайсацкой степи [14, с. 91].

Для несения военной, главным образом сторожевой, караульной, пикетной службы, «для всяких чрезвычайных случаев и командировок» было сформировано особое, как отмечено в самом нормативном акте, «знатное нерегулярное войско», или Оренбургский нерегулярный корпус. Он имел свой особый статус, который устанавливал порядок формирования, определял сущность и характер службы и т. д. Основу корпуса составили самарские, уфимские и алексеевские городские казаки.

Вместе с тем, принятие отмеченных нормативных актов и введение института Войскового атамана не могло еще, само по себе, объединить всех казаков в одно органическое целое. Законодательно созданное правительством войско значительное время существовало разделенным как бы на три относительно обособленные части — нерегулярный корпус, исетских казаков, составлявших гарнизоны крепостей одноименной провинции, и линейных казаков, входивших в состав крепостей Оренбургского ведомства. Потребовалось почти три четверти столетия, чтобы из этих элементов составить одно целое [3, с. 21—22]. Вместе с тем создаваемое войско не следует считать простой суммой различных казачьих отрядов, так как оно с самого начала представляло достаточно хорошо продуманную систему административных мер, направленных на создание «легкого» казачьего войска, которое являлось относительно дешевой военной силой, служившей в механизме политико-правового регулирования специфическим правовым средством для выполнения внутренней и внешней программ абсолютистского государства.

Нормативным документом, фактически завершившим серию правительственных решений, связанных с созданием Оренбургского казачьего войска, явился указ Военной коллегии и высочайше утвержденный 15 мая 1755 г. штат «нерегулярным людям Оренбургской губернии» [7, с. 39]. Штат определял численность войска в 5877 служилых казаков [2, с. 49]. Штат Оренбургского нерегулярного корпуса при этом составил 1094 человека. Одновременно со штатом было утверждено расписание командировок на пограничную линию. По этому расписанию на линию должно было ежегодно посылаться: башкир 1969 чел., Ставропольских калмыков — 310 чел., казаков Оренбургского войска — 1229 чел., Яицкого войска — 1105 чел. В случае надобности разрешалось посылать втрое, а калмыков вдвое больше, чем установлено расписанием [16, с. 333].

С 1755 г. служебные обязанности казаков были более регламентированы и расширены. Им вменялось нести службу на линии, содержать в крепостях и редутах внутренние и внешние караулы вместе с регулярными чинами; перевозить до соседнего пункта почту, проезжающим по делам службы предоставлять квартиры и подводы; конвоировать арестантов; «починять» крепостные строения, заготовлять и привозить лес, смолу, деготь, уголь и другие материалы и вообще выполнять разные работы. На пограничной линии казакам предписывалось содержать пикеты и разъезды, а между пикетами и укреплениями охранять прилинейных жителей, скот, посевы и т. д.

Результаты несения совместной гарнизонной и сторожевой службы сразу же показали преимущества казачьих отрядов перед регулярными, которые, «будучи отягощены ружьем и амуницией догонять весьма не могут» [7, с. 33]. Особенно ярко это проявлялось при боевых столкновениях вне крепости, при преследовании небольших конных отрядов кочевников, которые будучи очень мобильными, совершали внезапные налеты и практически безнаказанно возвращались в свои кочевья, увозя богатую добычу. Более того, гарнизонные команды, переименованные в 1764 г. в отдельные пехотные батальоны, комплектовались из малопригодных по состоянию здоровья или возрасту к службе в строевых частях солдат. Основное преимущество казачьих отрядов заключалось в их мобильности и приспособленности к местным условиям. Казаки с детства учились владеть оружием и хорошо знали повадки и обычаи кочевников.

Подготовка их к службе не требовала от властей никаких усилий и материальных затрат. Боевая выучка вырабатывалась самими условиями жизни и традициями, формирующими психологию природного воина [1, с. 240]. Существенное значение имело и то обстоятельство, что нерегулярные войска, несшие пограничную службу, защищали в прямом смысле слова свои дома, семьи, которым грозила бы гибель в случае успеха кочевников.

Для усиления армейских гарнизонов пограничной линии и несения службы на форпостах и редутах губернские военные власти были вынуждены назначать сменные команды из казаков внутренних станиц, оказавшихся на территории между Оренбургом и Уфой. Атаманы Самарской, Табынской, Борской и ряда других станиц были обязаны дважды в год выставлять в полевые укрепления строго определенное ордером губернатора количество казаков. Обычно такие команды менялись ранней весной и поздней осенью. В начале 70-х годов XVIII в. на всей Оренбургской линии находилось 3605 солдат гарнизонных батальонов, 1500 человек резерва и 4 тыс. казаков, или в среднем 6 человек на версту охраняемой линии [4, с. 22].

Атаманом корпуса и нерегулярного войска являлось одно и то же лицо. Первым их атаманом правительство назначило сотника самарских городских казаков В. И. Могутова. В указе Военной коллегии говорилось: «...При всех казаках, где они есть, кроме яицких, быть войсковым атаманом Могутову» [7, с. 42]. Назначенный правительством атаман всецело зависел от оренбургского губернатора. Указ предписывал ему «состоять единственно в команде тайного советника и оренбургского губернатора и Оренбургской губернской канцелярии» [7, с. 39; 8]. Все кадровые вопросы войска, назначение старшин, производство в хорунжие, в сотники решала военно-походная канцелярия И. И. Неплюева.

Управляли регулярным войском и корпусом и помогали атаману войсковой есаул и писарь. Все они вместе составляли Войсковую избу или так называемые войсковые казачьи дела, т. е. первое казачье военно-административное управление Оренбургского корпуса и войска. В создании нерегулярного войска и корпуса, а также в организации системы управления ими казаки никакого участия не принимали; они не избирали ни атамана, ни членов Войсковой избы. Замещение всех должностей высшего, среднего и большей частью низшего звеньев осу-

ществлялось центральными и местными государственными органами. Традиционный высший орган власти вольных казачьих войск — Войсковой казачий круг, когда учреждалось Оренбургское казачье войско, был отвергнут. Войсковая изба, созданная при атамане, не наделялась функциями верховного казачьего органа в войске и корпусе, а являлась лишь исполнительным органом всех предписаний центральных и губернских государственных ведомств.

Таким образом, Оренбургское казачье войско с самого начала своего существования оказалось под контролем абсолютистского государства в лице его местных представителей. В еще большей зависимости от губернаторской власти и от офицеров регулярной армии находились казаки нерегулярного войска, которые несли гарнизонную и сторожевую службу в крепостях и форпостах. Всеми пограничными оборонительными линиями, разделенными на дистанции, руководили командиры из числа штаб-офицеров регулярной армии. В их руках были сосредоточены военные, пограничные, административные, судебные дела и дела «по полицейской части», т. е. вся полнота власти. Крепости, редуты, форпосты и другие военные поселения, находившиеся как вдоль оборонительных линий, так и внутри их, были разобщены. Все они целиком зависели от армейских офицеров, исполнявших обязанности комендантов крепостей, командиров гарнизонов, комиссаров дистанции. Жизнь казаков здесь и во время разъездов в степи регулировалась специальной инструкцией, составленной Оренбургской губернской канцелярией для комиссаров дистанции.

Указы, инструкции Военной коллегии и Оренбургской губернской канцелярии предписывали осуществлять самый строгий контроль над отрядами казаков, «определяя к ним надежных людей», «постоянно проводить им смотры». Отрядам казаков, располагавшимся в крепостях пограничных линий, только «в особливых случаях» поручались наряды на службу от войскового атамана Могутова. Что касалось повседневной службы, то она определялась командирами крепостей и форпостов и осуществлялась под их контролем.

Граница, отделявшая земли казачьих общин от земель неспокойной Киргиз-кайсацкой орды, была укреплена крепостями, редутами, форпостами и пикетами. В указе от 20 августа 1739 г., данном генерал-лейтенанту князю Урусову, говорилось, что если расстояние между крепостями будет составлять более

50 или 40 верст, то следует соорудить редуты для содержания караулов, при редутах строить высокие «караульни на столбах, дабы с одной до другой часовым видеть и неприятеля усмотреть было можно, и чтобы от редута до редута, или пушечным выстрелом, или через зажжение маяков дать знать было можно»¹.

Автор капитального труда по фортификации в России 1725—1762 гг. военный инженер генерал-лейтенант Ф. Ф. Ласковский в работе «Материалы для истории инженерного искусства в России» [5] значительное место отвел Оренбургской линии. Он, в частности, отмечает, что Оренбург был крепостью бастионного типа и был окружен крепостным валом. Орская крепость была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером. Уфа, как крепость, имела местами ров и частью была окружена палисадными стенами. Большинство же линейных укреплений этого периода именовать «крепостями» можно было лишь с определенной степенью условности. Они не имели мощных бастионов, собственно крепостных стен в обычном представлении, башен и других элементов, характерных для подобного рода инженерных объектов. Исследователь истории края А. И. Кривошеков так описывал одну из крепостей Уйско-Тобольской линии. Крепость представляла собой обнесенное земляным валом и вкопанными стоймя бревнами (заплот) поселение, по углам которого возводились небольшие башенки, куда в случае необходимости устанавливались медные пушки. Перед валом обычно копался широкий ров, на дне которого укреплялись остро заточенные колья. Нередко перед ровом и валом устанавливались рогатки и надолбы, не позволяющие всаднику с ходу преодолеть препятствие и приблизиться к стене укрепления. Жилые сооружения и служебные постройки внутри укрепления размещались таким образом, чтобы каждый квартал оборонял одну из стен. По их количеству в стенах имелись ворота [4, с. 36]. В центре укрепления устраивался плац, где находились служебные здания, дом коменданта, гауптвахта и провиантские магазины (склады с огневыми припасами и продовольствием). Здесь же размещались казармы для войска.

В «Истории Пугачева» А. С. Пушкин, описывая укрепление Оренбургской линии, отмечает: «Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или

трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ» [11, с. 27].

В сентябре 1811 г. генерал-майор Гертценберг, осмотрев форпосты, расположенные по Новоилецкой линии, докладывал оренбургскому военному губернатору князю Г. С. Волконскому, что при всех форпостах сделаны рвы с насыпью, а для иррегулярных войск построены из хвороста сараи, покрытые корою, равно и конюшни для лошадей. Для зимнего времени при всяком форпосте устроено по двенадцать землянок в надлежащем порядке [12, с. 9].

Несмотря на относительную слабость укреплений, они тем не менее являлись для кочевников серьезным препятствием — вооруженные только луками и холодным оружием, они не могли вплотную приблизиться к их стенам, а защитники, имевшие огнестрельное оружие и укрытые стенами, наносили нападающим немалый ущерб.

Связь между укрепленными пунктами осуществлялась в основном разъездами, состоявшими из небольшой группы конных казаков под командой урядника или опытного казака. В течение дня на пограничной линии сторожевую службу несли конные пикеты, дублировавшие, а чаще заменявшие пехотные полевые караулы. Пикет состоял из трех человек, размещавшихся на возвышенных участках местности, с которых хорошо просматривалась граница. В районах, где видимость была затруднена, строили вышки и маяки — маячные пикеты. Была выработана целая система условных знаков, с помощью которых казаки сигнализировали об обнаружении противника. По ночам вместо пикетов высылались «секреты», несшие службу в местах наиболее вероятного проникновения кочевников. Кроме того, вдоль границы высылались ночные дозоры. В случае тревоги зажигались сигнальные огни. В сторожевой службе казаков многое зависело от хорошего знания местности и от личной храбрости, готовности принять на себя первый удар и если надо, пожертвовать жизнью. Поэтому выработанные в течение длительного времени правила несения службы на границе были строги и категоричны. Одним из нормативных актов, регулировавших сторожевую службу казаков в начале XIX в., была «Полковая инструкция для Войска Донского» [9, с. 277], пункт 155 которой предусматривал, что всякая самовольная отлучка с пикета или заставы «есть преступление важное и наказывается по строгости закона».

¹ Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 10/ — № 7886.

В ноябре 1764 г. распоряжением Военной коллегии было закреплено правило о том, что казаки по месту своего жительства находятся «под управлением губернским», в случае же командирования на пограничную линию, на форпосты и на прочие воинские надобности» они должны состоять в подчинении военного начальства [3, с. 152].

Служба казаков на пограничной линии была нелегкой и обременительной для их хозяйств. Наряду с регулярными частями они несли кордонную службу в разбросанных по обширной территории края укреплениях. С весны до осени находились на линии, участвовали в разъездах, караулах, конвоях, пикетах, посылались с учеными экспедициями. «Ни один транспорт, ни один посыльный в степь не обходился без вооруженного конвоя от оренбургских казаков» [10, с. 103]. Из казаков назначались также караулы для охраны табунов скота и прикрытия работавших на полях жителей укреплений. В приграничной полосе не было мирных занятий. Посевная или уборка хлеба готовились и проводились как военные операции. «Тревоги происходили чуть ли не ежедневно, — отмечал со слов старожилов А. И. Кривошеков, — на сенокос, пашню выезжали не иначе, как большими партиями от 50 до 100 человек, с полным вооружением. Работала обыкновенно одна половина казаков, а другая находилась под ружьем, готовая ежеминутно отбить внезапное нападение» [4, с. 137].

Во второй половине XVIII в. заметно ужесточились требования к выходящим на службу в укрепления пограничной линии казакам. Повысились требования и к выучке казачьих команд, особенно после вооружения их в 1757 г. огнестрельным оружием. Обучение воинским навыкам и мастерству владения оружием происходило в период самой службы. Молодые казаки учились владеть саблей, пикой, стрельбе из ружей и луков. Суровые условия кордонной жизни заставляли быстро овладевать всеми премудростями пограничной службы. Вместе с тем боеспособность ка-

зачьих подразделений не удовлетворяла растущие требования правительства, видевшего в казаках прежде всего ударную силу продвижения на восток.

Таким образом, в конце XVIII в. Оренбургская губерния представляла собой одну из обширных юго-восточных национальных окраин Российской империи. Пограничное положение, наличие линии укрепленных форпостов и крепостей, пересекающие ее территорию пути транзитной торговли привели к формированию в Оренбургском крае в XVIII в. особой модели военного управления, и прежде всего, механизма правового воздействия, осуществляемого Яицким, Оренбургским и Башкиро-мещерякскими иррегулярными войсками. Войска несли военную службу по охране Оренбургской пограничной линии, которая рассматривалась как главное военное достижение в крае [15].

Характер образования Оренбургского казачьего войска принципиально отличался от характера возникновения Яицкого войска. Своим образованием Оренбургское войско всецело обязано государственной власти, в основу его образования были положены не институты вольного казачьего демократизма, а организационные принципы, выработанные Московским государством еще в XVI в. при создании отрядов городовых казаков. Опираясь на регулярную армию, власть с самого начала возникновения войска ставит его в полную зависимость от офицеров регулярной армии. Для механизма правового регулирования пограничной службы оренбургских казаков, да и практически для всей их жизнедеятельности, был характерен метод императивного регулирования, отношения субординации между участниками общественных отношений, неразрывность военной и гражданской власти, полное подчинение последней власти военной. Преобладающими способами правового регулирования являлись запреты и обязывания, что характерно для разрешительного типа правового регулирования военно-полицейского абсолютистского государства.

Литература

1. Гордеев, А. А. История казаков со времен царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года / А. А. Гордеев. — М., 1992.
2. История казачества Азиатской России. — Т. 1. XVI — первая половина XIX века. — Екатеринбург : УрО РАН, 1995.
3. Кобзов, В. С. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи / В. С. Кобзов, В. М. Шадрин. — М., 2003.
4. Кривошеков, А. И. На Оренбургской пограничной линии (Очерки прошлого) / А. И. Кривошеков. — Уфа, 1914.

5. Ласковский, Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России / Ф. Ф. Ласковский. — СПб., 1865.
6. Малько, А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Правоведение. — 1999. — № 2.
7. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. — Т. 3. — Оренбург, 1903.
8. Машин, М. Д. Оренбургское казачье войско / М. Д. Машин. — Челябинск, 2000.
9. Положение об управлении Войском Донским. — СПб., 1836.
10. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. — 1862. — № 6.
11. Пушкин, А. С. История Пугачева / А. С. Пушкин. — М., 1983.
12. Пьянков, И. Г. На линии. Из жизни оренбургских казаков / И. Г. Пьянков. — М., 1989.
13. Рычков, П. И. Топография Оренбургская. То есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии // П. И. Рычков. Сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. — СПб.: При имп. Акад. наук, 1762.
14. Севостьянов, С. Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати / С. Н. Севостьянов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Вып. 5. — Оренбург, 1890.
15. Семенова, Н. Л. Оренбургское военное губернаторство в 1786—1851 гг. / Н. Л. Семенова // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. — 2013. — № 3—4.
16. Столетие Военного министерства. 1802—1902. — Т. 11. — Ч. 3. Военная повинность казачьих войск. — СПб., 1911.
17. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. — М., 2000.

ЛЕВШИН Павел Львович, соискатель кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет. 454081, г. Челябинск, ул. Электростальская, 47а. E-mail: pavel-pavel-7777@mail.ru

ШАДРИН Владимир Михайлович, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент. 454081, г. Челябинск, ул. Электростальская, 47а. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

LEVSHIN Pavel Lvovich, applicant, chair of social disciplines and management Faculty of training of law enforcement bodies of South Ural state University. 454081, Chelyabinsk, Elektrostalsky str., 47A. E-mail: pavel-pavel-7777@mail.ru

SHADRIN Vladimir Mikhailovich, associate Professor of social Sciences and management Faculty of training of law enforcement bodies of South Ural state University, candidate of legal Sciences, associate Professor. 454081, Chelyabinsk, Elektrostalsky str., 47A. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

For citation: **P. L. Levshin, V. M. Shadrin** The formation mechanism of legal regulation of the border service of the Orenburg Cossack army in the first half of the eighteenth century *Problemy prava (Issues of Law) founders journal* № 1(55).2016. pp. 67—73.

73

